

В. И. Покровский

**Денис И. Фонвизин, его
жизнь и сочинения**

**Сборник историко-
литературных статей**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Покровский**
Денис И. Фонвизин, его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей / В. И. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 185 с.

ISBN 978-5-517-99051-8

ISBN 978-5-517-99051-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Памяти Фонвизина, *Бильбасова*. — Характерныя для Екатерининскаго времени лица, выведенныя въ комедіи „*Бригадиръ*“, *Варнеке*. — Темныя стороны русской жизни XVIII вѣка въ комедіи „*Бригадиръ*“ по ея типичнымъ представителямъ, *Иванова*. — Стародумъ и Правдинъ и ихъ отношеніе къ просвѣтительнымъ идеямъ, XVIII вѣка, *его же*. — Вопросъ о воспитаніи въ комедіи Фонвизина „*Недоросль*“, *Варнеке*. — Педагогическія, нравственныя и политическія убѣжденія Фонвизина, *Пятковскаго*.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стран.</i>
Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Фонвизина, <i>Жданова</i>	1
Памяти Фонвизина, <i>Бильбасова</i>	33
Фонвизинъ, какъ представитель новаго направленія вѣка Екатерины II. <i>Дудышкина</i>	47
Идеаль нравственнаго достоинства человѣка по понятію Фонвизина, <i>Галахова</i>	56
Какое содержаніе давало для комедіи время Екатерины II? <i>Дудышкина</i>	73
Образованность русскаго дворянства въ XVIII столѣтіи, <i>Романовича-Славатинскаго</i>	75
Содержаніе и построеніе комедіи „Бригадиръ“ Фонвизина, <i>Дудышкина</i>	81
Характерныя для Екатерининскаго времени лица, выведенныя въ комедіи „Бригадиръ“, <i>Варнеке</i>	92
Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Бригадиръ“ въ связи съ бытовой обстановкой и особенностями общаго положенія, <i>Малинина</i>	101
Порочныя и добродѣтельныя лица комедіи „Бригадиръ“, <i>Караулова</i>	105
Темныя стороны русской жизни XVIII вѣка въ комедіи „Бригадиръ“ по типичнымъ ея представителямъ, <i>Иванова</i>	109
Зажиточная дворянская семья Екатерининскаго времени и та почва, на которой родились и росли недоросли, <i>Ключевскаго</i>	110
Комедія Фонвизина „Недоросль“, ея содержаніе и построеніе, <i>Дудышкина</i>	129
Идея комедіи „Недоросль“ и ея значеніе, <i>П. Вяземскаго</i>	136
Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Недоросль“ въ связи съ бытовой обстановкой, <i>Малинина</i>	142
Порочныя и добродѣтельныя лица комедіи „Недоросль“, <i>Караулова</i>	152
Стародумъ и Правдинъ и ихъ отношеніе къ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка, <i>Иванова</i>	157
Вопросъ о воспитаніи въ комедіи „Недоросль“, <i>Варнеке</i>	159
Литературная характеристика Фонвизина, <i>Галахова</i>	161
Педагогическія, нравственныя и политическія убѣжденія Фонвизина, <i>Пятховскаго</i>	176

Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Фонвизина.

Фонвизинъ Денисъ Ивановичъ род. въ Москвѣ 9 апрѣля 1745 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 1 декабря 1792 г. Родословныя росписи рода Фонвизинныхъ начинаются именемъ Петра Володимерова, титулуемаго барономъ. „Въ царство великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца, какъ онъ, великій государь, воевалъ Лифляндскую землю, взялъ въ плѣнъ Мечиносящаго братства брата Петра барона Володимерова сына Фонвизина съ сыномъ его Денисомъ и иныхъ того же честнаго братства шляхтовъ; и даны имъ въ Московскомъ государствѣ помѣстья многія въ разныхъ городахъ и служили они великимъ государемъ въ нѣмецкой вѣрѣ“. Въ 1653 г. внукъ Петра Фонвизина Юрій Денисовичъ перешель въ православіе, принявъ при этомъ имя Аоанасія. Внуку этого Юрія Аоанасія Денисовича — Иванъ Андреевичъ, отецъ автора Педоросля, служилъ сначала въ военной службѣ, потомъ перешель въ гражданскую, занявъ мѣсто члена ревизіонъ-комиссіи; въ 1774 г. онъ вышелъ въ отставку, умеръ въ 1786 г. 68 лѣтъ отъ роду. По свидѣтельству своего знаменитаго сына, Иванъ Андреевичъ „былъ человекъ большого здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтитъ себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ, читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно Древнюю и Римскую исторію, Мнѣнія Цицеронова и прочіе хорошіе переводы правоучительныхъ книгъ“. О матери своей Катеринѣ Васильевнѣ (рожд. Дмитріевой-Мамоновой) Фонвизинъ вспоминалъ, какъ о женщицѣ умной, доброй и трудолюбивой. „Вторая супруга отца моего, а моя мать“, читаемъ въ „Чистосердечномъ признаніи“ Фонвизина, „имѣла разумъ тонкій и духовными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолубивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная“.

Первоначальнымъ образованіемъ Фонвизинъ обязанъ отцу. Образование было, конечно, скромное: ребенокъ выучился грамотѣ, знакомился подъ руководствомъ отца съ церковнославянскимъ языкомъ. „Какъ скоро я выучился читать“, разсказываетъ Фонвизинъ, „такъ отецъ мой у крестовъ (т.-е. при молебнахъ и другихъ домашнихъ

богослуженіяхъ) заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно!... Отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, конхъ, казалось ему, читая, я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснить мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны“. Учителей иностранныхъ языковъ у Фонвизина не было.

Въ 1755 г. открытъ былъ Московскій университетъ и при немъ гимназія. Одними изъ первыхъ воспитанниковъ, поступившихъ въ гимназію, были братья Фонвизины: Денисъ и Павелъ. Научное преподаваніе въ университетской гимназіи оставляло желать очень многого. „Учились мы“, говоритъ Фонвизинъ, „весьма безпорядочно, ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣнь, а съ другой — нерадѣніе и пьянство учителей“. Несмотря однако на недочеты въ ходѣ учебнаго дѣла, Фонвизинъ съ благодарностью вспоминалъ о своихъ школьныхъ годахъ. Въ это время обучаясь по-латыни, онъ „положилъ основаніе нѣкоторымъ знаніямъ“. Тогда же онъ „научился довольно нѣмецкому языку“ и „получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ“. Знакомство съ латинскимъ языкомъ, по словамъ Фонвизина, „пособило весьма къ обученію французскаго“; этимъ языкомъ Фонвизинъ занялся въ концѣ учебнаго курса. Изъ преподавателей своихъ онъ съ особенной признательностью вспоминалъ о профессорѣ Шаденѣ, который преподавалъ логику на латинскомъ языкѣ. Денисъ Фонвизинъ считался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ гимназіи: онъ не разъ получалъ награды (въ 1756, 1760 и 1791 г.); его школьныя сочиненія назначались, вмѣстѣ съ другими лучшими работами, для прочтенія на публичныхъ актахъ. Въ одномъ изъ такихъ сочиненій юный авторъ старался „показать щедрость и прозорливость Ея Императорскаго Величества, всещедрой музѣ основательницы и покровительницы“; въ другой работѣ, изложенной на нѣмецкомъ языкѣ, рѣчь шла „о наилучшемъ способѣ къ обученію языковъ“. Объ успѣхахъ Фонвизина свидѣтельствуетъ также его представленіе Ив. Ив. Шувалову. Директоръ университета, съ нѣкоторыми лучшими воспитанниками, отправлялся въ Петербургъ „для показанія основателю университета плодовъ сего училища“. Въ числѣ „избранныхъ учениковъ“ были и братья Фонвизины. Время этой поѣздки опредѣляется двумя указаніями самого Фонвизина: онъ былъ представленъ Шувалову прежде „производства“ въ студенты, а это производство относится къ 1760 г.; въ Петербургѣ московскій гимназистъ видѣлъ на сценѣ комедію Гольберга: „Генрихъ и Пернилла“; первое представленіе этой комедіи по свидѣтельству „Драматическаго словаря“, относится также къ 1760 г.; остается такимъ образомъ признать, что Фонвизинъ былъ въ Петербургѣ въ началѣ этого года именно 1760 г. (по словамъ Фонвизина, онъ и его товарищи ѣздили въ Петербургъ „зимой“). Замѣчаніе Фонвизина о томъ, что во время поѣздки, т. е. въ январѣ — февралѣ 1760 г., онъ былъ „не старѣе четырнадцати

дѣтъ“ вполнѣ совпадаетъ съ годомъ его рожденія, указаннымъ въ надписи на надмогильномъ камнѣ (3 апрѣля 1745 г.).

Въ Петербургѣ Денисъ Ивановичъ имѣлъ случай видѣть нѣкоторыхъ тогдашнихъ знаменитостей нашего служебнаго, ученаго и артистическаго міра. Онъ былъ представленъ Шувалову. Былъ на куртагѣ во дворцѣ, гдѣ его поразило „вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка“. При представленіи московскихъ гимназистовъ Шувалову присутствовали Ломоносовъ. Узнавъ, что Фонвизинъ и его товарищи учились по-латыни, ученый „началъ говорить о пользѣ латяискаго языка съ великимъ краснорѣчіемъ“. Въ домѣ своего дяди Фонвизинъ познакомился съ знаменитыми актерами И. Гр. Волковымъ и Пв. Ао. Дмитревскимъ. Это знакомство оказалось особенно интереснымъ для будущаго драматурга. „Ничто въ Петербургѣ“, говоритъ онъ, „такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду... Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ глубокаго разума, а актеровъ — великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ“.

Въ 1760 г., спустя нѣкоторое время по возвращеніи изъ Петербурга, братья Фонвизины „произведены были въ студенты“. Слушателемъ университета Денисъ оставался два года. Къ этой студенческой порѣ относятся его первые литературные опыты и вмѣстѣ съ тѣмъ его первые литературные успѣхи. Въ 1761 г. Фонвизинъ помѣстилъ въ журналѣ „Полезное Увеселеніе“, издававшимся подъ руководствомъ М. М. Хераскова, переводную статейку „Правосудный Юпитеръ“. Въ томъ же году появился переводъ басенъ Гольберга, сдѣланный Фонвизинымъ по заказу университетскаго книгопродавца; книга эта выдержала нѣсколько изданій.

Во время поѣздки въ Петербургъ московскій гимназистъ убѣдился, „сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ“. Спустя два года (1762), онъ уже могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его „Альзиру“. Этотъ переводъ трагедіи Вольтера не остался незамѣченнымъ, хотя и не былъ напечатанъ. „Переводъ мой Альзиры“, говоритъ Фонвизинъ въ „Чистосердечномъ признаніи“, „сталъ дѣлать много шума и я самъ началъ имѣть нѣкоторое мнѣніе о моемъ дарованіи; но признаюсь, что, будучи недоволенъ переводомъ, не отдалъ его ни на театръ ни въ печать“. Переводъ „Альзиры“, дѣйствительно, былъ несвободенъ отъ нѣкоторыхъ грубыхъ промаховъ, почему Фонвизинъ называлъ этотъ свой трудъ „грѣхомъ юности“ своей. Въ томъ же году, когда переведена была Альзира, напечатана была первая часть русскаго перевода книги аббата Террасона: „Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа, цзя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая“; слѣдующія части книги появились въ 1763 г.

(ч. II), 1764 г. (ч. III) и въ 1768 г. (ч. IV); на первыхъ трехъ частяхъ означено имя переводчика Дениса Фонвизина. Ему же принадлежатъ переводъ „слова“ профессора исторіи I. Г. Рейхеля о томъ, что „науки и художества процвѣтають защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствахъ“; слово это произнесено было Рейхелемъ въ публичномъ собраніи Московскаго университета 3 октября 1762 г. Въ этомъ же году проф. Рейхель предпринялъ періодическое изданіе подъ заглавіемъ: „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствій“. Въ изданіи Рейхеля помѣщено нѣсколько переводныхъ работъ Фонвизина: „Изысканіе о зеркалахъ древнихъ“, „Торгъ семи музъ“, „О приращеніи рисовальнаго художества“, „Разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства“. Выборъ переведенныхъ статей сдѣланъ былъ, конечно, по указанію Рейхеля, который съ участіемъ сдѣлалъ за дѣятельностью своего даровитаго слушателя. „Не напрасный трудъ имѣлъ господинъ Фонвизинъ въ переводѣ на російскій языкъ книги сея своимъ согражданамъ, писалъ Рейхель по поводу перевода „Сифа“. „Великой благодарности достойны переводчики, когда употребляютъ они время свое на такія книги, кои служатъ къ распространенію ученія и которыя вообще полезны для свободныхъ наукъ. При столь великомъ множествѣ худыхъ книгъ видно похвальное достоинство переводчика, когда избираетъ онъ нѣчто доброе, полезное и особенное. Что господинъ Фонвизинъ въ разсужденіи сего сдѣлалъ, о томъ общество узнаетъ съ удовольствіемъ. О знаніи его въ нѣмецкомъ языкѣ я весьма увѣренъ, а общество видѣло уже силу его въ російскомъ языкѣ, какъ изъ различныхъ опытовъ, такъ и изъ басенъ барона Гольберга. Можетъ быть, переведенныя имъ на російскій языкъ Овидіевы превращенія будутъ большимъ доказательствомъ его способности“. Биографъ Рейхеля (Шевыревъ) предполагаетъ, что сближеніе даровитаго студента съ профессоромъ исторіи и нѣмецкой литературы могло имѣть вліяніе и на развитіе сатирическаго таланта Фонвизина: „изъ писемъ Рейхеля къ Миллеру мы могли бы съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что профессоръ своею ироніею и своимъ умѣніемъ схватывать неразумную сторону жизни, свойствами, которыя въ этой перепискѣ сильно обнаруживаются, могъ имѣть отчасти вліяніе на нравственное развитіе геніальнаго комика“.

Упомянутый Рейхелемъ переводъ „Метаморфозъ“ Овидія неизвѣстенъ. Нужно думать, что не дошли до насъ и нѣкоторыя оригинальныя произведенія Фонвизина перваго періода его дѣятельности. „Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ, рассказываетъ авторъ „Честосердечнаго Признанія“. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же ты, коихъ острия слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человека, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ

сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей... Меня стали скоро бояться, потому ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много въ нихъ было сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли“. Для объясненія этого разсказа Фонвизина объ успѣхѣ его „острыхъ ругательствъ“ не мѣшаетъ припомнить, что подобныя, не попадавшія въ печать, сатиры были въ то время въ большомъ ходу. Въ 1764 г. главнокомандующій въ Москвѣ графъ Салтыковъ доносилъ императрицѣ слѣдующее: „Развращенное здѣсь, на Москвѣ, между молодыми людьми своевольство и наглость до такой степени возрасли, что нѣкоторые изъ нихъ... дерзнули по всему городу разсѣять ругательныя сочиненія, состоящія въ каталогахъ на французскомъ и русскомъ языкахъ, въ которыхъ до 300 человекъ и больше, какъ наизятейшихъ, такъ и прочихъ фамилій, въ томъ числѣ дамы и дѣвицы, не смотря ни на чины ни на достоинства, наичувствительнѣйшими выраженіями обезчещены и обижены“. Теперь изъ всѣхъ сатирическихъ сочиненій Фонвизина, носившихся по Москвѣ, дошли только два произведенія, съ вѣроятностію относимыя къ 1762 г.: эпиграмма на мнимое величіе (О, Климъ, дѣла твои велики!) и злая сатира въ формѣ басни: „Лисица казнодѣй“. Изъ числа сочиненій, приписываемыхъ Фонвизину, къ этой ранней порѣ его литературной дѣятельности относятъ шуточное стихотвореніе: „Чертикъ на дрожкахъ. Новая быль“.

Въ 1759 г. въ Москвѣ открытъ былъ „россійскій театръ“. По свидѣтельству Штеллинга, въ этомъ театрѣ, кромѣ актеровъ по занятіямъ (Тропольскій, Тропольская, Пушкина), играли также нѣкоторые университетскіе студенты“. Сохранилось преданіе, что лучшими исполнителями изъ числа студентовъ были Як. Ив. Булгаковъ и Д. И. Фонвизинъ.

По обычаю стараго времени Фонвизинъ рано былъ записанъ въ военную службу; въ 1762 г., оставаясь студентомъ, онъ числился въ спискѣ сержантовъ Семеновскаго полка. Осенью 1762 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, этотъ „лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержантъ и московскаго университета студентъ“ подаль прошеніе объ увольненіи его изъ университета и объ опредѣленіи на государственную службу.

Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда желать поступить Фонвизинъ, онъ былъ свидѣтельствовать въ языкахъ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ. Выдержавъ экзаменъ, Фонвизинъ поступилъ въ коллегію переводчиковъ капитанъ-поручичья чина. Ко времени этой службы въ коллегіи относится первое путешествіе Фонвизина за границу. Онъ былъ посланъ съ лентой ордена св. Екатерины къ герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской. Порученіе было исполнено удачно. „Тогда былъ я еще сущій ребенокъ“, говоритъ Фонвизинъ, „и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ

природную остроту, то у Шверинского двора не показался я нефждаю. И впрочемъ поведеніемъ своимъ приобрѣлъ я благоволеніе герцогини и одобреніе публики“.

Въ 1763 г. служебное положеніе Фонвизина измѣнилось: 7 октября этого года императрица Екатерина подписала указъ: „Переводчику Денису Фонвизину, числясь при иностранной коллегіи, быть для нѣкоторыхъ дѣлъ при нашемъ статскомъ совѣтникѣ Елагинѣ, получая жалованье по прежнему изъ оной коллегіи“.

Ив. Перф. Елагинъ занималъ въ это время должность кабинетъ-министра у принятія челобитенъ, а нѣсколько позже (1776 г.) къ этой службѣ присоединена была другая, — завѣдываніе театрами. Въ это время у секретарей Елагина было, конечно, не мало дѣла. Въ 1768 г. принятіе челобитенъ передано было Степ. Фед. Стрекалову. „Дѣла наши“, писалъ Фонвизинъ роднымъ, „снятіемъ дѣлъ челобитческихъ совершенно облегчены, однако я каждый день у Ив. Перфильевича бываю, а сколь это безпокойно, то самъ Богъ видитъ“. Фонвизинъ оставался при Елагинѣ, получившимъ званіе сенатора и удержавшемъ должность „надъ спектаклями главнаго директора“.

Поселившись по мѣсту службы въ Петербургѣ, Фонвизинъ поддерживалъ живую переписку съ родными; сохранились его письма къ отцу и матерн, къ сестрѣ Федосѣ Ивановѣ и къ ея мужу В. А. Аграмакову. Изрѣдка Фонвизинъ пріѣзжалъ въ родной городъ; такъ, въ концѣ 1765 г. онъ пробылъ въ Москвѣ около мѣсяца; въ 1769 г., какъ видно изъ писемъ къ Елагину, прожилъ въ Москвѣ больше полугода. Въ Петербургѣ молодой москвичъ на первыхъ порахъ сильно скучалъ. „Здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ“, читаемъ въ первомъ сохранившемся письмѣ Фонвизина къ сестрѣ (отъ 10 августа 1763 г.). „Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь затѣмъ, что тамъ большая часть солдаты; а съ академіей затѣмъ, что тамъ большая часть педанты“. Молодой человѣкъ искалъ въ знакомствѣ или дружбы или любви. „Однако этого желанія“, говоритъ онъ, „по несчастію не достигаю и ниже тѣни къ исполненію имѣю. Разсуди, не скучно ль такъ жить тому, кто имѣеть чувствительное сердце“. Мало-по-малу знакомство однако завязалось. Кругъ этого знакомства, насколько можно судить по письмамъ Фонвизина, состоялъ изъ людей чиновныхъ и знатныхъ, среди которыхъ замѣшалось лишь одно имя, выборъ котораго объясняется артистическими наклонностями молодого писателя, — имя Ив. Ао. Дмитревскаго, котораго Фонвизинъ называлъ „человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ“. Изъ своихъ сверстниковъ, принадлежавшихъ къ свѣтской молодежи, Фонвизинъ особенно близко сошелся съ Вас. Ал. Аграмаковымъ, своимъ будущимъ зятемъ, служившимъ въ то время въ конной гвардіи, и съ кн. Ф. А. Козловскимъ, служившимъ въ Преображенскомъ полку. „Склонности и сходство нравовъ соединили насъ такъ много, что произошло оттуда истинное дружество“, писалъ Фонвизинъ объ Аграмаковѣ. Съ кн. Козловскимъ, кромѣ подобнаго же сходства нравовъ, могли сближать Дениса Ива-

новича литературные интересы: *Ф. А. Козловскій* († 1770) не безъ нѣкотораго успѣха пробовалъ свои силы въ прозѣ и стихахъ. Знакомство съ этимъ рано умершимъ писателемъ оставило глубокаго слѣда въ воспоминаніяхъ Фонвизина. Козловскій ввелъ своего друга въ общество, о которомъ тотъ впоследствии не могъ „безъ ужаса вспомнить, ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ первомъ“, замѣчаетъ Фонвизинъ, „не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль. Въ сіе время сочинилъ я Посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ“. Авторъ „Посланія къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“ въ шуточной формѣ касается философскаго вопроса, на которомъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливались мыслители XVIII в., вопроса о такъ называемыхъ конечныхъ причинахъ (*causes finales*), о цѣляхъ мірозданія; отвѣтъ сатирика на этотъ вопросъ — безнадежно скептической, если не вполне отрицательной: „И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!“ Въ этомъ стихотвореніи, по словамъ Фонвизина, отрицалось лишь его мимолетное, поверхностное увлеченіе; въ глубинѣ души его таялось постоянно иное, религиозное настроеніе. Это настроеніе подверглось новому испытанію, когда все тотъ же кн. Козловскій познакомилъ Фонвизина съ какимъ-то старикомъ графомъ, который „ничему не вѣрилъ“. „Разсужденія его“ говоритъ Фонвизинъ, „были софистическія и безуміе явное, но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою“. Эти колебанія прекратились, душевное настроеніе Дениса Павловича пришло въ прежнее равновѣсіе послѣ бесѣды съ Г. Н. Тепловымъ, человекомъ умнымъ, ловкимъ и немножко философомъ (онъ составилъ книгу: „Наставленія нравственной философіи, или знанія до философіи касающіяся“). Тепловъ посоветовалъ Фонвизину прочитать сочиненіе англійскаго писателя Самуэля Кларка: „Доказательства бытія Божія и истины христіанскія вѣры“. Книга такъ понравилась успокоившемуся скептику, что онъ рѣшился перевести ее на русскій языкъ и „издать въ свѣтъ сдѣлать нѣкоторую услугу соотечичамъ“. Тепловъ, которому сообщилъ о своемъ намѣреніи Фонвизинъ, замѣтилъ, что изданіе полнаго перевода можетъ встрѣтить затрудненія, и посоветовалъ сдѣлать лишь извлеченіе изъ книги Кларка. „Я послѣдовалъ совѣту Григорія Николаевича“, говоритъ Фонвизинъ, и „сдѣлалъ выписку изъ Кларка. Недавно я ее читалъ и нахожу за нужное поправить нѣчто, а впрочемъ выписка годится. Въ самомъ же концѣ моихъ „Признаній“ я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы трудъ мой принесъ хотя нѣкоторую пользу благомыслящимъ читателямъ“. Признанія остались неоконченными. Не дошла до насъ и выписка изъ Кларка.

Литературные интересы и занятія Фонвизина считались и съ общественными и съ служебными его отношеніями. Начальникъ Фонвизина Иванъ Перфильевичъ Елагинъ считался въ свое время замѣ-

чательнымъ писателемъ: его переводы признавались „примѣрными на російскомъ языкѣ“ („Словарь“ Новикова), его называли „первымъ нашимъ писателемъ въ прозѣ“ послѣ Ломоносова; начитанность Елагина казалась „изумительной“ („Извѣстіе“ Дмитревскаго). Сближеніе съ такимъ человѣкомъ не могло, конечно, не имѣть вліянія на дѣятельность 20-лѣтняго писателя. Извѣстно, что Фонвизинъ высоко цѣнилъ литературныя мнѣнія Елагина, дорожилъ его критическими замѣчаніями. „Не хочу видѣть мою комедію представленною,“ писалъ Фонвизинъ Елагину о „Бригадирѣ“, „прежде нежели вы мнѣ самую истину о ней скажете изволите, т-е. прикажете выключить то, что вамъ не нравится, и прибавить то, что вамъ угодно. Ваша критика мнѣ необходима“. Въ одной изъ статей, написанныхъ Фонвизинымъ, ужъ въ концѣ жизни (1788 г.), сочиненія Елагина упоминаются, какъ образцы „россійскаго витійства“. Ближайшимъ сослуживцемъ Фонвизина былъ также писатель — Владимиръ Игнатьевичъ Лукинъ (1737—1794), авторъ комедій, пользовавшихся въ свое время извѣстностью. Лукинъ былъ секретаремъ Елагина, Фонвизинъ — его помощникомъ. Писатели сослуживцы не сумѣли сохранить добрыхъ отношеній. Лукинъ, правда, высоко цѣнилъ талантъ Фонвизина, признавалъ, что тотъ имѣетъ больше его „способности и знанія“, но это не мѣшало секретарю Елагина всячески вредить своему помощнику по службѣ. „Невозможно представить себѣ на мысль“, писалъ Фонвизинъ отцу (26 іюня 1766 г.), „всѣ тѣ злости, всѣ тѣ бездѣльническія хитрости, которыя употреблялъ онъ въ поврежденіе меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича и всей его фамиліи“. Фонвизинъ отзывался о своемъ противникѣ какъ о человѣкѣ умномъ, хотя и неуживчивомъ; что же касается литературной дѣятельности Лукина, то она давала матеріалъ для обычной насмѣшливости остроумнаго сатирика. Гордый Лукинъ не могъ, конечно, простить этихъ насмѣшекъ. „Сей человѣкъ“, „читаемъ въ „Чистосердечномъ Признаніи“, „имѣющій, впрочемъ, разумъ, былъ безпримѣрнаго высокоумія и нравомъ тяжелъ переносно. Онъ упрянялся въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ; физиономія ли моя, или весьма скромный мой отзывъ о его перѣ причиною стали его ко мнѣ ненависти. Могу сказать, что въ домѣ самаго честнаго и снисходительнаго начальника велъ я жизнь самую непріятнѣйшую отъ дѣйствія ненависти его любимца“. Фонвизинъ пытался вывести Елагина „изъ заблужденія“, надѣялся, что Елагинъ „узнаетъ мало-по-малу, что любилъ бездѣльника“. Но эти надежды не сбылись. Ресположеніе министра къ своему секретарю осталось неизмѣннымъ. Въ 1769 г. Фонвизинъ писалъ Елагину изъ Москвы: „Ваше превосходительство изволите сами знать, что я для милліона резовъ съ г. Лукинымъ быть вмѣстѣ не могу“. Вскорѣ послѣ этого Фонвизинъ дѣйствительно оставилъ службу при Елагинѣ.

Кромѣ упомянутаго выше „Посланія къ слугамъ“ и Выписки изъ Кларка, Фонвизинъ написалъ въ это время (1763—1768) нѣсколько оригинальныхъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ и издалъ нѣ-